

Вся жизнь моя – это перебежки от одной линии огня к другой. А огонь каждый раз шквальный – на поражение. Выскочишь живой, отдышишься и, наконец, вздохнёшь полной грудью... А тут опять огонь! А я всё живу...

Сирота

Родился я в 1913 году в городке Корсунь-Шевченковский на Украине. Отец – Конон Родионович, был рабочим, из крестьян. Работал в нашем селе на сахарном заводе токарем-модельщиком. Мать моя, Ефросинья Яковлевна, в девичестве Пустильник, была благочестивая и трудолюбивая женщина. Нас, детей, в семье было трое: Анна – 1908 года рождения, Маша – 1911-го и я – 1913-го.

Когда мне исполнился один год, отца забрали на Германскую войну. Главным помощником у мамы осталась Анна. У нас поля были в трёх местах, так что маме доставалось. А шестилетней Ане и Маше, которой тогда было только три года, надо было накормить всю домашнюю живность. Правда, мама брала с собой в поле коня, корову и тёлку. Я, сам себе предоставленный, очень баловался: залезал во все шайки, в которых кормили свиней да поили корову с тёлкой. Мать вернётся с работы – поругает, а потом пошутит: «Ты, наверно, Гриша, моряком будешь – больно воду любишь». Вот так мы и росли.

В 1918 году семилетнюю Машеньку тиф задавил, а годом раньше, под Рождество Христово, мама получила «похоронку», вместе с которой прислали отцовские награды – два Георгиевских Креста. Все селяне, зная про отцовские награды, когда встречали мать, кланялись ей, а мужчины даже шапку снимали. Однажды, когда мы с ней шли по селу, я спросил её: «Мама, ты разве батюшка?» Я тогда так понимал, что шапки снимают только перед священником. Мама мне пыталась объяснить, что эти поклоны – дань уважения к отцовским наградам. Да разве я тогда понимал, что такое Георгиевские кресты! Я тогда очень завидовал детям, у которых отцы были живы. Особенно в праздники чувствовал своё сиротство. Дети на пруд бегут купаться, а мне мама говорит: «Нарви три ведра вишен, засыпь в сушню, и тогда отпущу». Помню такой случай. Мне тогда лет шесть было, а Ане – одиннадцать. Послала нас мама убирать чечевицу. Убирали мы её с утра до трёх часов дня. Только сложили всё в кучи – вдруг с запада поднялась столбом какая-то чёрная туча и двинулась прямо на нас. Мы

страшно испугались и спрятались в ближайшую канаву. Стало темно, я заплакал от страха. А сестра придавила меня к земле и закрыла собой. Вихрь вращающимся столбом прошумел по нашему полю, но мы чудом уцелели. Только всю нашу чечевицу унёс и много ещё чего натворил в нашем селе и округе. Мы пришли домой с плачем: «Мама, вихрь унёс нашу чечевицу!» А мама нам ответила: «Не надо плакать, Бог дал, Бог и взял! Слава Богу, что сами живы».

Весной 1922 года, когда мне исполнилось девять лет, мама мне сказала: «Ты, сынок, теперь у нас в семье мужчина. Поэтому с этого времени отдаю тебе на попечение нашего коня Гнедка. Береги его». Эти слова мамы возродили меня в каком-то новом мире, наполнили гордостью и ответственностью. Ведь я так любил Гнедка, и он отвечал мне тем же.

Прошёл год. Наша семья выбивалась из сил, чтобы сохранить хозяйство. Правда, помогали нам, как могли, два маминых брата, но и у них были семьи, и им было тяжело. И мама другого выхода не нашла как принять примака. Мой «новый отец» оказался с особым характером. К труду его не влекло, зато любил выпить в компании таких же, как он, гуляк.

Я тогда уже ходил в школу, и за конём приходилось присматривать отчиму. Почему-то он невзлюбил нашего Гнедка. Однажды он сильно избил его в конюшне. Иду я утром в школу, а меня догоняет наш конь, видно отвязался, и так жалобно заржал мне в ухо. Оглянулся я – а у него слезы текут из глаз. У меня от жалости к нему сердце заныло. Вернулся я с ним домой и сказал матери решительно: «За Гнедком я сам буду ухаживать. Ведь ты сказала мне, что он мой». Так и пошло дальше. Правда, мне было тяжело зимой. День короткий, придёшь из школы и в первую очередь заходишь к коню. Потом, когда поешь, мама просит смять ногами три свёртка конопля. Потом идёшь к своему школьному другу за книгами, чтобы делать уроки. Учебники выдавали в то время на троих учеников. Я брал книги у Коли Коваленко часов в 10 вечера, когда он уроки сделает. А после меня ждал своей очереди Филька Гончаренко. Вот так и осваивали грамоту.

В 1927 я закончил в своём селе «четырёхлетку». Учитель сказал матери: «Григорий способный, дайте ему возможность дальше учиться». Я очень хотел учиться, но школа была в другом дальнем селе, поэтому нужно было снимать комнату на всё время учёбы. Отчим тогда заявил мне: «Я расплываться не умею, а хлеб кушаю не хуже грамотных. Ты закончил четыре класса, и хватит. Бери коня и иди в поле». Так закончилась моя учёба

Тогда я понял, что я одинок в мире, и у меня впервые появилось стремление самому распоряжаться своей жизнью. Пошёл я на сахарный завод и упросил, чтобы меня взяли в подмастерья. В те времена ни газовой, ни электросварки не было. Всё было на заклёпках, а заклёпки грели на походном горне. И попробуй недогретую или перегретую заклёпку подать, так сам бригадир по шее даст. И никому не пожалуешься. А если будешь жаловаться, то выгонят.

Работал я на заводе восемь лет, пока в армию не взяли. Всему научился, стал в последнее время мастером-аппаратчиком сначала сахароварения второго, а затем и первого продукта. Всё хорошо на работе, только вот в жизни моей что-то идёт печаль за печалью.

Первая утрата

Не у всякого жена Марья – кому Бог даст.

Расскажу всё по порядку. Жили рядом с нами (наши огороды задами сходились) хорошие соседи – дед Дорош и бабка Одарка. У них своих детей не было, и дед Дорош привязался ко мне, когда я мальчиком был: то яблоком, то грушей угостит, то посадит к себе в повозку и везёт с собой в поле. В 1921 году, когда на всей Украине был страшный голод, ходило по сёлам много нищих, и просили кусок хлеба. И вот однажды пришла к соседям за подаванием одна такая нищая с двумя малыми детьми. Мальчику было лет семь, а девочке лет пять. Все измождённые, особенно мать. Баба Одарка говорит деду Дорошу: «Смотри, какая красивая девочка. Давай попросим у этой женщины – пусть её нам оставит». Дед и попросил. Женщина заплакала: «Спасите её душеньку! Я ведь всё равно скоро умру. На том свете с Господом буду вас вспоминать за ваше добро». На том и расстались.

Кому горе, а кому радость. Дед с бабой наглядеться не могут на свою Анку (так звали девочку). Удочерили и окрестили её. И стали мы с ней как брат и сестра. Взрослые нам и работу посильную

давали вместе: пасли овец, коров, а дед Дорош брал обоих с собой в поле, и мы там на пару гуляли.

Дружба наша продолжалась, и когда мы подросли. Летом 1931 года мне было 18 лет, а Анке – 15. На вид мы были совсем разные: она черноглазая, с пышными чёрными волосами, а я белокурый, с серыми глазами. Привязались мы друг к другу крепко. Встречались каждый день. Я был сам не свой, если хоть день её не вижу. Обычно иду я утром на работу и зайду к их дому, постучу в её окно тихонько. Она узнавала мой сигнал и выбегала мне навстречу. Дед Дорош и бабка Одарка наблюдали за нашей дружбой и радовались. Дружба эта была такой чистой и по-детски счастливой.

В тот июньский день что-то у меня тяжело на сердце было. Работаю на заводе, а со мной, сам не знаю, что творится. Как всегда закончил работу в пять часов и пошёл домой через огороды, чтобы с Анкой встретиться. Но её не увидел, хотя она меня обычно там ждала. Пошёл я домой грустный, захожу в хату и вижу: мама на машинке что-то белое шьёт и плачет. Я подумал, что опять отчим её чем-то обидел, как это бывало частенько. Спрашиваю её: «Мама, опять он тебя обидел?» Мама поднялась, подошла ко мне, обняла и ещё пуще заплакала. Я уже со страхом говорю ей: «Что случилось?» А мать сквозь слёзы: «Грыщу, Грыщу, больше ты не увидишь своей Анки...» – и залилась слезами. Меня сразу как громом ошарашило, в глазах потемнело. Я не мог понять до конца смысла её слов.

Затем, как сквозь сон, я услышал рассказ матери. Дед Дорош возил со двора на своём поле навоз, а Анка пристала к нему: «Папа, дай я с тобой поеду на поле». Дед отвечает: «Доченька, на навозе ехать нехорошо». А она опять своё: «Я положу наверх мат и не запачкаюсь». Тут бабка Одарка её поддержала: «Пусть поедет с тобой, коли хочет». Дед и сдался. Посадил Анку наверх и дал вожжи в руки. Выехали они за село, стали спускаться с Никоновой горы, и у одной лошади при спуске порвался ошейник, повозку крутануло в сторону – Анка упала вниз головой и попала лошади под копыта. Так погибла моя Анка.

Всё село пришло проводить в последний путь мою сестричку-подругу. Во время похорон я потерял сознание. Не помню, как я оказался дома. Опомился уже в кровати, рядом сидит врач Кривенко.

Проболел я две недели. Вышел потом снова на работу. А мне уже ничего не интересно. Жизни не рад был.

Так прошли незаметно три года. Осенью 1934 года заболела мама, сделали ей тяжёлую операцию. Родственники мне без конца долбят: «Женись. Через год уйдёшь в армию – мать больную одну оставишь. А женишься – невестка поухаживает за ней». А на ком мне жениться? Нет моей Анки – и жизни нет. Стали меня родственники сватать – то за одну девушку, то за другую. Но зачем мне те, к кому душа не лежит! Но и маму больную не могу одну бросить. Что было делать? И вот первого мая решили мы на работе с ребятами и девушками отметить праздник. Выпил я немного, но захмелел. И появилась у меня неожиданно горячая решимость – сегодня же сосватаю себе невесту! Вспомнил советы родственников – не гнаться за богатством, а выбрать девушку победнее, чтобы была верным другом в жизни. Вот, подумал, Тина – девка для меня подходящая. Отец у неё давно умер, у матери их четверо: старшая Харитина, затем Варя, Маша и четырехлетний пацан Андрейка. Осмелился я, подошёл к этой девушке и прямо сходу смело заявляю: «Тина, давай поженимся!» А она мне тоже сразу, даже не задумавшись, отвечает: «Давай!». Я опешил. И уже в смущенье тихо говорю: «Да я всерьёз ведь предлагаю». А она также решительно: «И я всерьёз!»

Мне бы не спешить, призадуматься, узнать, что за человек эта девушка. А я был в каком-то оцепенении все три года со дня гибели моей Анки. Да и не понимал тогда, что значит семья. Знал только одно – надо жениться, пока в армию не ушёл.

Взял я Тину под руку и повёл к своей маме. По дороге чувствую, что девушке неловко, – застенчалась всё-таки. Пришли домой, и я сказал: «Мама, эта девушка будет моей женой. Прошу любить и жаловать». Мать обрадовалась, конечно. В тот же день вечером пошли мы с невестой к её матери в село Моринцы. Попутно напомним, что это село знаменитое: родина нашего украинского поэта Тараса Шевченко. Мать Тины нас благословила. Мы с ней перед иконой дали клятву беречь наше супружество до гроба. Венчания не было, так как церкви в наших местах все закрыли уже к тому времени. 15 мая 1935 года мы зарегистрировались и погуляли на свадьбе.

Предательство

*То не беда, коли на двор взошла,
а то беда, как со двора-то нейдет.*

Осенью того же года меня призвали в армию. Попал я в полковую школу в город Чугуев. 14 января получаю поздравительную телеграмму: жена родила мне сына, назвали Василием. Я так радовался, что об этом узнали все, даже начальник полковой школы капитан Трикоз. Я написал домой письмо, поздравил жену и поблагодарил за сына. Мне оставалось служить полтора года. Я стал с нетерпением ждать возвращения домой...

Прошло месяца три, и получаю я письмо от своего друга, Пустильника Степана Петровича, который работал секретарём сельского совета. В письме он сообщал, что жена моя занимается нехорошими делами, бросает сына на больную мать, а сама уходит к подруге, у которой тоже муж в армии. Там они устраивают балы да гулянки. Я, конечно, не поверил этому, хотя и огорчился страшно. Пишу сестре Анне, думаю, она-то не соврёт. Но я ошибся. Сестра, добрая женщина, очень переживала за меня и за ребёнка моего, поэтому не решилась написать правду. Думала, что всё утрясётся само собой. «Это неправда, – отвечает она на моё письмо, – твоя жена Тина с сыном ждут тебя».

Получив такой успокоительный ответ от родной сестры, я очень рассердился на друга и написал ему злое письмо, в котором выругал его за клевету. Но прошло ещё два месяца, и друг, не обидевшись на меня, снова мне сообщает, что дела мои плохи, жена встречается с каким-то типом.

Горько мне стало, тяжело на душе. Но собрался с духом и заставил себя написать жене строгое, но примирительное письмо. Письмо вышло сумбурное, но главный смысл его сводился к одному: «Возьми себя в руки. Если не жалеешь мою мать, то пожалей нашего сыночка».

Отправил письмо и в страшной тревоге жду вестей из дома, ещё на что-то надеюсь. Однако новости меня ошеломили и окончательно выбили из колеи. Пишет уже сестра, винится передо мной, что скрывала от меня правду и сообщает, что Тина забрала сына от моей мамы и, бросив ребёнка на попечение своей бедной матери, загуляла в открытую. Дома днями не появляется. А теперь она беременна.

Меня охватило отвращение. Но я, как человек упрямый и настырный, всё привык доводить до конца. Пишу жене: «От кого ты ждёшь ребёнка?» Она мне отвечает какую-то чушь: мол, Гриша, я не виновата. Дескать, у нас на заводе работает экспедитор, и он под угрозой оружия заставляет меня любить его. Письмо меня возмутило. Враньё! ... Ну, а вдруг – правда?! Что же мне делать?

Каждый переживает оскорбление по-своему. Было бы разумно расстаться с Тиной. Разве это жена? Но я по молодости и горячности совершил безрассудный шаг, за который горько поплатился потом. Гордость моя страдала, унижение жгло день и ночь. Что я сделал в таком тяжёлом положении? А взял и написал письмо начальнику заводской охраны товарищу Белецкому, в котором спрашивал, кто обижает мою жену, кто этот вооружённый экспедитор? Товарищ Белецкий поступил с моим письмом как человек деловой, при исполнении служебных обязанностей. Мне он кратко сообщил, что такого вооружённого экспедитора на заводе вообще нет. А письмо моё он, человек сугубо бдительный, передал в районное отделение милиции. Шел 1937 год.

Допрос

Не бойся, не верь и не проси.

Вызвали Тину в районную милицию на допрос по поводу моего письма. Она с перепугу им сказала, что ничего не писала мужу о вооружённом экспедиторе. Составили протокол и велели подписаться под ним. Жена поставила подпись и таким образом опять меня предала. Глупая, она даже не понимала, что очередной бесчестный поступок подвёл её уже к самому краю пропасти.

Однажды прямо к нам на занятия в класс заходит посыльный и сообщает: «Красноармейца Лаврегу вызывают в НКВД». Я не чувствовал за собой никакой вины, но внутренне похолодел: «Ведь туда вызывают врагов народа!» В мёртвой тишине поднялся и последовал за посыльным.

В НКВД мне велели зайти в третий кабинет. За столом сидел здоровенный детина, на петлице две шпалы. Я представился: «Курсант Лаврега по вашему вызову явился». Следователь предложил сесть

напротив него, вытащил из кармана папиросы «Казбек» и вежливо предложил мне. Я отказываюсь: «По дороге к вам накурился». А он настойчиво снова предлагает. Я подумал: «Папиросы высшего сорта. А мы курим солдатскую махорку. Попробую, раз так настаивает». Я взял папиросину, а он уже зажигалку достаёт и даёт мне прикурить. Думаю про себя: «Как эти энкэвэдисты вежливо встречают свою жертву. Но зачем он меня вызывал? Что он от меня хочет?» А он вдруг также вежливо мне говорит: «Вот, за то время, пока выкуришь эту папироску, расскажи мне, с какой вооружённой бандой ты был связан?» Я засмеялся и отвечаю: «Это пуля номер один». Он как схватится за пистолет и закричит: «Я тебя в рог согну! Ты всё мне скажешь!» Я рассердился и говорю: «Товарищ начальник! Я не преступник. Я курсант Советской Армии. И если чесноку не ел, то вонять не будет». Он встал, вышел из-за стола, молча прошёлся по кабинету, о чём-то думая. А потом допрос начался по-новому:

– Женат?

– Да.

– Дети есть?

– Да, сынишкой жена порадовала.

– А сейчас какая у вас связь с женой?

Молчу в ответ. А в душе буря. Что делать? ...Наконец, решил, что в данной ситуации лучше говорить правду. Иначе запутают, и тогда гибель.

Рассказал о переписке с родственниками и женой. Следователь оживился:

– Так она, значит, тебе всё-таки писала о вооружённом экспедиторе? Чем докажешь?

– У меня её письмо сохранилось. Однако зачем вам вникать в наши семейные несчастья?!

– Иди в часть и быстро возвращайся ко мне с письмом!

Когда я вернулся с этим несчастным письмом, следователь сказал мне:

– Теперь ты свободен. А ведь жена тебя предала. Теперь все вопросы у нас к ней. Пусть в вашем районе с ней разбираются.

«Успокоив», он меня отпустил. В сердце смешалось всё: и унижение, и радость, что избежал страшной беды, и страх уже не за себя, а за ту, которая ввергла меня в эту пропасть.

Финал этой глупой истории был трагичным. Её вызывали в органы, вели допрос по поводу её письма и ложных показаний, и, не найдя ничего, за что бы можно было зацепиться, со злобой избили её, так что беременная женщина скинула ребёнка.

Зачем я написал письмо товарищу Белецкому?! Зачем! ...

Этим же летом умерла моя мать, и я остался совершенно одиноким.

На Японской войне

После окончания срочной службы в 1937 году домой возвращаться было страшно, да никто меня там и не ждал теперь. Мне предложили остаться на сверхсрочную, и я с радостью согласился. Был я грамотный, в технике разбирался и роста был небольшого, поэтому отправили меня в танковые войска.

Сначала служил в танковом батальоне в Днепропетровске, был командиром танка Т-26. В феврале 1938 года наш батальон перебросили в Восточную Сибирь. В час ночи подняли по тревоге, и мы всю ночь грузились на поезд на станции Лоцманка. Под утро поезд отправился на восток.

Ехали 8 суток. Утром в сорокаградусный мороз мы прибыли в Иркутск. Ожидали конца изнурительного пути, а попали в сутолоку и хаос. Вокзал и привокзальная часть города были переполнены техникой и людьми. Холод, шум, гам, детки кричат. Ведь многие ехали с семьями. Как позже выяснилось, почти одновременно в Иркутск прибыли, кроме нас, ещё два батальона. Один – тоже с Украины, из Житомира, а другой – с Урала. Тогда пошёл слух, что нас разгрузили в этом городе или по ошибке, или по вредительскому умыслу.

Только к вечеру всех рассовали по квартирам. Нас, днепропетровских, поселили в старые заброшенные казармы, которые почему-то называли Екатерининскими. Отопления в них вообще не было. Так наш личный состав и дожил в этой неотапливаемой казарме до мая.

В мае наш батальон отправили на озеро Хасан. Так как дело шло уже к концу военных действий, мы мало принимали участия в них. В августе нас привезли под Читу, на станцию Песчанка. Там

дали для танков гаражи, а личный состав разместили в деревянных, но тёплых казармах, где мы и перезимовали. А в мае 1939 года нас направили в Монголию своим ходом, так как железной дороги в тех местах тогда не было.

В Монголии наш батальон объединили с двумя другими батальонами в одну бригаду, которой командовал комбриг Яковлев. Весь фронт возглавлял Георгий Константинович Жуков. Именно тогда он был награждён первой Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Японцы оказались очень способными вояками, бегали, как страусы, кричали всё свое «банзай», что значит, примерно, то же, что наше «ура». Наступали на нас нахально и навязчиво. Особенно запомнились ожесточённые бои 3 июля 1939 года за высоту Баин-Цаган. В тот жаркий день погиб – сгорел заживо вместе с танком – наш командир взвода лейтенант Стариков.

К концу лета японское «банзай» стало затихать, в августе самураи получили по шапке и поняли, что им пора уходить восвояси. Однако наш батальон стоял до октября около города Дархан, или, как его называли сами монголы, Мундурхан. Мы интересовались жизнью чужой страны и его народа. Поразило полное отсутствие санитарной культуры, но было приятно осознавать дружеское расположение монголов к нам, советским солдатам. Здоровались с нами так: «Цырик СССР, самбайто». Значило это: «Русский солдат, добрый день». Запомнилось гостеприимство монголов. Удивили нас также торговые обычаи. Если взял товар в руки, то уже положить его назад и не купить невозможно. Хромовые добротные сапоги стоили дешевле чайной ложки, так как металлического производства у них в помине не было. Население занималось в основном овцеводством.

В октябре наш батальон вернулся под Читу на станцию Песчанка, а в ноябре мне дали отпуск за два года службы. Я решил поехать домой на Украину.

На Финской войне

Судьба придёт – по рукам свяжет.

Ехал домой восемь суток. Стоял конец ноября 1939 года. Сестра Анна, с которой не виделся четыре года, очень обрадовалась мне. В тот же день пришло к нам много друзей односельчан, которые как-то моментально узнали о моём приезде. Каждый приглашал меня к себе в гости. Но я в первый вечер ни к кому не пошёл, так как очень устал в дороге. Кроме этого, я хотел сразу же приступить к главному делу, ради которого и вернулся на родину. Преодолевая себя и свои горькие чувства, пошёл в соседнее село, где жила у своей матери Тина с моим сыном. Надеюсь уговорить отдать сына мне. Сестра не советовала этого делать, так как знала, что Тина страшно боится встречи со мной и трёх-летнего сына Василия настроила против меня. Я стал пугалом для родного сына!

Так и вышло. Она спряталась от меня. Когда я зашёл в их хату, то застал только её мать, которая встретила меня неласково.

Вернулся к сестре, ещё более уставший и удручённый. Вдруг приходит посыльный из сельсовета и говорит: «Велели передать, что вам завтра к 10 часам утра надо прибыть в районный военкомат и встать на временный учёт. Сейчас военное время. Идёт финская кампания».

Встал я утром пораньше и отправился пешком в районный центр, который находился в семи километрах от нашего села. Военком встретил меня дружелюбно, расспросил о службе в Сибири и в Монголии. Уточнил: «Так вы командир танка Т-26?» Я ответил: «Да». Тогда он мне и говорит: «Понимаю, что вы приехали в отпуск, отдохнуть, погостить у родственников. Но отдыхать хорошо, когда страна вне опасности. Идёт война, и на финский фронт требуются танкисты. Завтра мы отправляем группу военных в Ленинград. Вы поедете с ними. Завтра в 10 быть здесь».

Вернулся в село. У хаты поджидают меня три друга. Каждый зовёт к себе, даже поспорили между собой. Я им сообщаю о своём завтрашнем отъезде и приглашаю в гости: «Идите, берите с собой своих подруг и приходите ко мне. Будете сразу и встречать меня, и провожать». Сестра заплакала. Я её успокаиваю: «Сестра, я военный человек. Никуда не денешься – родину защищать надо. Хорошо, что я хоть кому-то нужен!»

Итак, судьба забросила меня за Ленинград, на Карельский перешеек. Побывал в поселениях с такими финскими названиями, как Терийоки, Райвола, Перкярви, и наконец, Виипури. Теперь это соответственно русские населённые пункты: Зеленогорск, Роцино, Кирилловское и Выборг.

Дали мне танк с хорошими ребятами. Но как было идти в атаку, если толщина снега достигала полутора метров, а морозы стояли сорокаградусные, особенно в конце февраля и в начале марта. Я и десяти раз не сходил в атаку со своим танком. А на кого идти, если все враги сидят в бетонных блиндажах, стены и потолок в которых метровой толщины. У них целые дома были под землёй устроены. А мы дрожали от холода, нам негде было укрыться. Тогда, наверное, больше людей погибло от мороза, чем от пуль. Да и финские снайперы немало бойцов погубили. Но и финнам тоже досталось.

Наконец, 12 марта 1940 года ровно в 12 часов война закончилась. Наш батальон до мая квартировал под Выборгом, а затем нас перебросили опять в Сибирь, под Омск. Там я вспомнил о своём чемодане, оставленном перед отпуском в Чите у друзей, и решил, что заеду за ним, когда закончится срок моей сверхсрочной службы осенью 1941 года, и отправлюсь уже насовсем домой, в родное село. Ведь мне было уже 27 лет, а я ещё и жизни не видел.

Однако домой я вернулся только осенью 1945 года.

Северо-западный фронт

Счастливый к обеду, роковой – под обух.

В субботу 21 июня 1941 года договорились мы с друзьями, что завтра, в воскресенье, рано утром пойдём на весь день в берёзовую рощу, которая находилась в полутора километрах от нашей части. Приготовили всё необходимое, и утром в шесть часов (по московскому времени это было два часа) встали, отметились у дежурного, сообщили, куда идём, и отправились в путь. Нас было шестеро: два друга с жёнами и мы, два холостяка.

Утро было прекрасным, воздух в берёзовой роще удивительным! Нашли подходящее место на лужайке среди цветов, женщины расстелили скатерть, разложили еду, налили всем по стопке... Вдруг выбегает из-за кустов посыльный: «Товарищи! Срочно в часть. Тревога!»

Мы ещё выругались: «Нашли, когда тревогу устраивать! В выходной день!» Прибежали в часть. Весь личный состав уже был построен, а комиссар части, держа в руках за спиной фуражку, повесив голову, ходил перед строем взад и вперёд. И только мы встали в строй, вышел командир части и объявил: «Митинговать у нас нет времени. Сегодня в 4 часа 05 минут фашисты без объявления войны напали на нашу страну. Пока мы здесь стоим, там, на западных границах, гибнут наши братья, женщины, дети. Поэтому срочно всем привести в боевую готовность технику. Завтра начинаем погрузку на поезд».

Никто точно не знал, куда идёт наш поезд. Ехали только ночью, а днём стояли в тупиках. В Москву приехали через шесть суток. Всех повели в баню. Кому нужно было, выдали новое обмундирование, дали запас питания, и на третий день ночью мы выехали из Москвы. Куда едем – опять никто из нас не знал.

И вот на вторые сутки остановка в пути. Оказалось, что стоим на станции Бологое. Значит, везут к Ленинграду. Впереди на путях разбомблённый немцами эшелон, который шёл впереди нас. Срочно очищают пути, восстанавливают движение.

Привезли нас на полустанок Сясьстрой. Кругом бесконечная топь, необъятные болота. Тут не только танку – человеку трудно пройти. А наши знаменитые танки Т-26 практически годились только для парада. Да и броня легко прожигала немецкая термитка. К весне 1942 года от нашего батальона осталось совсем немного танковых экипажей. Всех оставшихся танкистов приписали к 146 отдельной курсантской стрелковой бригаде, которая прибыла на Северо-западный фронт из Омска и стояла в обороне в районе Сельца, Уползы и фанерного завода. Тогда только что поступили на вооружение в эту бригаду автоматы ППШ. С ними мы ходили ночью в разведку. Но немцев и близко не было. Они не дураки – лезть в эту трясику. Они спокойно заняли три деревни, окружили их минами и спокойно спали ночами.

Наши солдаты стали опухать от голода, развелись вши, помыться негде было. Кормить стали по третьей норме. Давали водки по сто граммов. Как выпьешь – зашумит в голове, кое-как уснёшь, и всё забудется на время.

Дождались весны 1942 года. Мы с другом Мишей пошли как-то в лес, нашли сухое место, сняли рубашки, повесили на кустах и давай по ним стрелять. На шум пришёл командир подразделения

Ветёлкин: «Зачем по рубашкам стреляете?» Мы отвечаем: «Фашистов расстреливаем!» А вши хуже фашистов нам досаждали тогда. Грызли, спасу никакого от них. А тут ещё голод. Стали выдавать в день по сухарику на брата. В мае вода, наконец, спала. Стали мы ползать по болоту, собирать подснежную клюкву.

Даже варили её на болотной воде без сахара.

Ближе к лету пришли радостные вести: появились новые мощные машины – танки Т-34. На Северо-западном фронте организовали школу БТКУКС, что значило – Бронетанковые курсы усовершенствования командного состава. Собрали всех, кто хоть немного понимал в танковом деле и уставах. Школа располагалась в Калининской области недалеко от станции Лыкошино, в лесу, в двух километрах от передовой. Сначала надо было построить землянки для занятий и сна, столовую, баню. И в это же самое время необходимо было учиться. Кормили нас опять по третьей норме, так как мы были всё-таки не на передовой. Еле ноги таскали, но надо было всё перетерпеть. Не мы одни мучились. Пособий для учёбы почти не было, кроме плакатов. Новые танки тоже пока не прибывали к нам. Вместо учёбы мы строили подсобные помещения, использовались на самых тяжёлых работах. Многие начали пухнуть с голода. Мы, наконец, потребовали: «Давайте оружие и посылайте на передовую. Если погибнем, то в бою, а не умрём позорной смертью в тылу от голода». Только тогда штабники зашевелились. Присвоили нам звание младших лейтенантов, вручили удостоверения и направили на передовую в 27 армию, куда должны были прибыть новые танки. Но и там пока их не было, и там нас сначала заставили рыть землянки для себя, но кормили уже по второй норме.

Расскажу один из многих эпизодов того времени. Вызывают меня часов в девять в штаб нашей армии на КП, вручают ценный пакет, дают броневик, двух автоматчиков для охраны и приказ – вручить пакет начальнику штаба фронта не позднее 12 часов. На пакете необходимо было расписаться в том, кто этот пакет принял и в какое время.

Ехать было недалеко, километров двадцать. Но кто видел осенью фронтовые дороги на северо-западе, тот поймёт, что нам пришлось испытать, пока мы добирались до места. В сплошной трясине мы с трудом двигались в нужном направлении. Бедные солдаты, сопровождающие меня, полностью выработались за дорогу. Грязные с ног до головы с хлюпающей жижей в сапогах, подошли мы к штабу без пяти минут 12. Я сразу кинулся в землянку, в которой, как мне сказали, находился полковник. Не тут-то было! Часовой винтовкой загородил дорогу: «Полковник обедает». Спросил, как найти его заместителя – капитана, и он мне указал на другую землянку. Но и там меня не пропустил часовой и направил к писарю, в третью землянку. Здесь также стоял часовой и не пускал. Тогда я вынужден был нахально оттолкнуть часового и вскочить внутрь. Это было довольно просторное помещение. У плитки стояла женщина и пекла блинчики, а младший лейтенант сидел рядом и ел их. Он закричал мне: «У нас обед!» Я ему в тон отвечаю: «А у нас обеда нет. Уже двадцать минут ищу, кому в штабе вручить срочный пакет. Вот распишитесь, что принял в 12.00».

Каюсь, стало противно, что этот лейтенант, сидя за столом, ест блинчики, соблюдает режим дня, и у него уже две медали. А у нас на передовой ни у кого ни одной награды.

Лейтенант молча взял пакет, расписался. Я взял документ и, выходя из землянки, не удержался и зло пошутил: «Две медали за блины, а третью получишь за принятый пакет. А нас блинами хорошо фрицы кормят!»

Вышел на улицу. Пасмурно, мой грязный броневик стоит под соснами. Вдруг подбегает к броневику какой-то лейтенант и заполошно кричит: «Чей броневик? Чей броневик?» Я подошёл и говорю: «Мой». А он как заорёт: «Воздух! Убери броневик в укрытие!» Я осмотрелся и прислушался. Где-то далеко и высоко за облаками действительно был еле слышен гул самолета. Я засмеялся и в ответ ему тоже кричу: «Паникёры, по щелям!»

Сели мы на свой броневик и опять поползли по грязи на передовую, в своё расположение...

Курская дуга

Бог видит, кто кого обидит.

Вспоминаю военные годы, фронт и всё рассказываю о каких-то незначительных эпизодах, ухожу от главного, о чём вспоминать тяжело нормальному человеку. И счастлив тот, кто этого не видел и

не испытал! Лучше бы на старости лет не уходить из жизни с этой страшной болью воспоминаний. А боль эта великая – о своей загубленной душе и о душах тех людей, врагов, кого приходилось убивать.

Ведь я же убийца! Сколько японцев, финнов и фашистов я убил на своём танке! Не сосчитать! А ведь они тоже люди были с человеческими душами и сердцами! А мы их давили гусеницами, как дрова. Ведь простой нормальный человек, попадая в такой переплёт на войне, становится не то что ненормальным, а просто сумасшедшим ...

Сердце стонет, а разум успокаивает: «Мы били тех, кто залез в наш дом, как разбойник, чтобы уничтожить нас. Мы защищались».

А сердце и душа опять в смятении: «Так правда на нашей стороне? И Бог нам простит? А простит ли? Наверное, этого никто, никогда и нигде не прощает! Но что невозможно человеку, то возможно Богу».

Всю войну со мной был во внутреннем кармане у самого сердца маленький образ Спасителя. С ним я и под бомбы и обстрелы попадал, и не один раз выскакивал из горящего танка, а в январе 1944 года в Винницкой области при двадцатипятиградусном морозе вместе с танком провалился под лёд.

Пословица говорит: «Кому суждено сгореть, тот не утонет». Но и горел я в танке не раз, да не сгорел. Помню, уже после Курской дуги, где всякое со мной было, в Богодухове под Харьковом в конце августа 1943 года чудом выскочил из горящего танка и спасся. Боезапас взорвался, когда я успел отбежать метров десять. Да и можно ли всё подобное перечислить, что было от начала до конца войны? Многое кажется настолько невероятным, что вспоминаешь и думаешь: «Как я мог уцелеть?»

* * *

Сам погибай, а друзей выручай.

Расскажу всё по порядку. Итак, первый год войны прошёл. Осенью 1942 года 397-ая стрелковая дивизия была направлена на Северо-западный фронт в район Старой Руссы. Немцы туда же направили свою 16-ю армию СС. Шли ожесточённые бои за Демяновский плацдарм. Если бы немцы его захватили, то им открылся бы прямой путь на Ленинград. Наше танковое подразделение бросили для поддержки 397-ой дивизии. Фашисты всеми силами пытались прорвать нашу оборону. Ходили даже в психические атаки. Шли пьяные, или как пьяные, прямо на танки! А мы шли на них и давили! Отвратительная, страшная картина! После такого боя трудно было себя заставить взглянуть на свой танк, гусеницы которого были все покрыты остатками человеческой плоти. Трудно было не сойти с ума после такого. И спасало только одно чувство – они пришли к нам убивать нас, мы защищаем Родину.

Помню, в конце февраля 1943 года начался сильный миномётный обстрел наших позиций. Когда я находился около своего танка, рядом разорвалась мина. Я опять уцелел, но осколком задело сзади с левой стороны голову. Я упал и на время потерял сознание. Пришёл в себя, когда ко мне подскочили две девушки-медички в полушубках, подняли меня и потащили куда-то в безопасное место. Страшно кружилась голова, но память сохранилась. Завели, наконец, меня в огромную палатку в лесу. Там, видимо, уже с вечера лежали без сознания трое солдатиков. И сразу одна из девушек сделала мне перевязку. Как потом выяснилось, это была капитан Мария Довбыш – командир медсанбата. Эту девушку я запомнил хорошо. Была она смелая, решительная, но очень добрая, как все белоруски. Думал ли я тогда, что мы с ней встретимся через 45 лет!? Но об этом в своё время я расскажу.

Я пролежал в этой палате 6 или 8 дней, а потом меня, как тяжело раненного, отправили в тыловой госпиталь в Калининскую область, около Осташкова. В конце апреля я вернулся в своё подразделение. К тому времени 397-ю стрелковую дивизию передислоцировали в неизвестном направлении, а наш танковый полк переформировали в 31-й танковый корпус и в конце апреля с Северо-западного фронта перебросили под Курск. Там наш корпус ввели в состав формирующейся 1-ой танковой армии, командующим которой был назначен генерал-лейтенант Катуков Михаил Ефимович, а замполитом Попель Николай Кириллович.

Вся 1-я армия готовилась к тяжёлым боям. Наш корпус стоял в лесу, неподалёку от деревни Бого-
явленская Белица и в который раз тщательно перепроверял свою боевую готовность.

Наконец, в ночь с 4 на 5 июля наша армия вышла на исходную позицию во втором эшелоне около
Прохоровки и села Зоринские Дворы. Сюда же подошла 5-я танковая армия генерала Рыбалко. Наша
задача была – стоять насмерть, но не пропустить фашистов дальше.

На небольшом рубеже с обеих сторон сошлись тысячи танков, артиллерийских орудий, большие
силы авиации. Наша разведка своевременно определила места наибольшего скопления вражеской
техники, и нам удалось, опередив немцев на полчаса, ударить из тысяч огневых точек с земли и воз-
духа. Немцы ответили тем же.

Это был не бой, а настоящий ад, который для нас продолжался весь день 12 июля. Тысячи танков
против тысяч танков, с воздуха самолёты сыпали бомбы днём и ночью. День с ночью смешались в
вонючем дыму и гари. От взрывов бомб нас качало в танке, как на волнах. Выйти из танка было не-
возможно в таком аду. А в танке от раскалённой на солнце брони жарюща, духота, вода кончилась,
мучает страшная жажда. Когда с воем летит бомба, думаешь – это наша, то от ужаса всю внутрен-
ность выворачивает.

Время словно остановилось. Несколько дней никто из воюющих не мог пересилить другого.
Правда, немцы потеснили наших около станции Ржава и вклинились в нашу оборону километров
на 12, но потом попали к нам в мешок. Наконец, налёт вражеской авиации ослаб, так как им при-
шлось перебросить часть самолётов на южный фронт, на котором наши войска неожиданно пошли
в наступление. Нам стало легче, и, собрав последние силы, мы погнали фашистов в направлении
Белгорода, оставив под Прохоровкой гигантское страшное кладбище людей и металла. Как можно
было уцелеть в этом аду!?

Бои под Белгородом

Но и дальше, под Белгородом, нам пришлось выдержать сильное сопротивление врага. Шли бои
в районе сёл Томаровка, Кустовое, Стригуны. Силы у нас иссякли. Как потом мы узнали, Сталин дал
совет командованию фронта окопаться под Белгородом, занять оборону и дать солдатам передыш-
ку. Однако Жуков и Василевский понимали, что у немцев силы велики, и, если мы окопаемся, то и
немец окопается, займёт оборону. И тогда срывать его с места будет нелегко, будут новые большие
потери у нас. Командование приняло решение продолжать наступление, подтянув резервы с тыла.

В ночь с 4 на 5 августа мы попали в засаду возле Томаровки. В бою фашисты сожгли 5 наших тан-
ков вместе с экипажем. Уцелевшие три танка – мой, Ачкасова и Коновалова – уничтожили засаду. Но
дальше ночью двигаться было опасно. Мы замаскировались в подсолнухах и просидели там до утра.
Утром вызывает нас комбат и даёт нам боевое задание – в ночь на 6 августа уничтожить скопление
фашистских войск в роще, расположенной между селами Кустовое и Стригуны, и освободить путь
на Борисовку. Обещает, что даст нам в подкрепление роту автоматчиков, а перед атакой по скопле-
нию фашистов сыграет «катюша». Атаку начинать сразу после её залпа

Только стемнело, мы сняли маскировку с наших танков и вывели их на линию исходной атаки.
Однако обещанной роты автоматчиков нет и нет. Идти без них ночью в атаку очень опасно. Такую
атаку называют слепой и решаются на неё только в исключительных случаях. Простояли в ожида-
нии до 12 ночи. Ни автоматчиков, ни залпа «катюши» нет! В половине первого вызывает нас капитан
Петров и сообщает, что получен приказ выполнять задание. Что делать? Главное, надо действовать
быстро. Утром немцы нас разобьют. Посоветовались и решили рассредоточить танки по широкому
фронту на расстоянии друг от друга 200 метров. Идти на первой скорости, но газовать, чтобы немцы
подумали: едет на них много танков, а не всего три. И стрелять, и стрелять из всех видов оружия.

По сигналу красных ракет мы ринулись вперёд, но с напряжением следили друг за другом, что-
бы никому не вырваться вперёд. Одновременно мы сыпали пулями в направлении рощи, где якобы
стояли немцы. Шли мы в таком порядке: я слева, по центру Ачкасов, справа Коновалов. Вдруг танк
Коновалова вспыхнул. Уже светало, и мы увидели, что из танка выскочили двое. Неожиданно и танк
Ачкасова качнулся и встал. Через люк выскочили двое и тоже скрылись...

Я остался один. В особых случаях командир танка сам должен принять решение в считанные
секунды. Что делать?! С одной стороны, есть правило, что один танк, да ещё без сопровождения

пехоты, не идёт в бой – это верная гибель, так как из танка трудно оценить обстановку, экипажу за бронёй не видно. Значит, надо возвращаться обратно! С другой стороны, есть нравственный закон: хоть один в поле не воин, но сам погибай, а друзей выручай. И ещё есть закон войны: если ты вернулся, не выполнив задания, то ты трус. А это хуже смерти! Итак, решение только одно – вперёд в атаку!

Уже совсем рассвело. Слева из села Кустовое нас бьют противотанковыми. Водитель Михаил Проворов, уже не ожидая команды, направил танк на противотанковую батарею. Вдруг сильный удар в левый борт. Я дал команду: «В укрытие, за сарай!» Нужно было разобраться, откуда в нас лупят. И только Миша направил танк в сторону, как снова мы получили сильный удар в левый борт. Меня ударило чем-то тяжёлым по ногам, страшная боль, в танке всё заволокло дымом. Я кричу во всё горло, но не слышу своего голоса.

Когда дым рассеялся, я увидел невероятную картину: Миша Проворов сидит на своём месте, зажав руками рычаги, а головы у него нет! Наш «башенный» Ваня Шубин что-то кричит, а я его не слышу. И вообще ничего не слышу и не понимаю...

Вдруг кто-то схватил меня за воротник комбинезона и потащил вверх. Так Ваня спас меня. Идти я не мог, ноги не повиновались, поэтому он меня буквально волок. Оттащил от танка, положил в какой-то воронке и бросился снова к танку.

Таким же образом он спас и самого молодого бойца нашего экипажа – стрелка-радиста Толю Вавилова, который тоже оказался раненным: ниже колена перебило ногу. Ваня и в третий раз бросился к танку, видимо, решив вытащить тело своего друга Миши Проворова, но, к счастью, не успел добежать – в танк ударила третья болванка, попала в бак с горючим, и машина вспыхнула, как факел.

Да, Ваня родился в рубашке! Удивительная храбрость и удивительное спасение. Как он остался невредимым, даже не раненным под таким градом пуль?! К сожалению, после боя я больше не встретил его. Мы с Толей Вавиловым попали в госпиталь, а когда вернулись в свой 31-й корпус, то Вани уже там не было. На его след мне не удалось напасть ни во время войны, ни после. А с Толей Вавиловым мы и после войны поддерживали связь долгие годы.

В госпитале я пролежал недолго – неделю. Хотя последствия контузии меня ещё долго мучили, я снова участвовал в боях.

В Белгородской области под Борисовкой у немцев был СПАМ – сборный пункт аварийных машин. Там они решили сделать небольшую передышку в непрерывных боях. Однако наши танкисты нагрянули неожиданно в два часа ночи и захватили СПАМ. Там оказалось 10 «тигров». Наши экипажи, потерявшие свои танки в боях, взяли этих зверей в свои руки, заправили горючим, боеприпасами и, получив задание, погнали их своим ходом в направлении Харькова. Однако «тигры» оказались «зайцами», так как были не приспособлены к далёкому переходу. Часть из них погорела от самовоспламенения, а остальную часть тянули тягачами.

Бои за Украину

Кому суждено сгореть, тот не утонет.

Под Харьковом около Богодухова немцы встретили нас страшным огнём. Пустили в ход все виды вооружения, даже авиацию. Три раза Харьков переходил из рук в руки. Под конец боёв за Харьков немцы каким-то образом подбросили отравленный ром, и многие любители выпить от него погибли.

И всё же Харьков был освобождён в конце августа 1943 года, а 3 сентября почти без боя освободили и Сумы. Так как наш 31-ый танковый корпус потерял все машины, его вывели из боёв на формирование в посёлок Кияница, где мы остались ждать новые танки из Нижнего Тагила. И простояли мы там ни много, ни мало – до 2 января 1944 года. В этот день мы приняли прямо на платформах новые танки, привезённые с Урала. И на следующую ночь со станции Сумы двинулись в путь-дорожку поближе к фронту. Ехали с остановками. И вот рано утром 6 января, под Рождество, когда мы прибыли на станцию Казатин в Винницкой области, нас встретили фашистские бомбардировщики.

Но, поскольку мы уже были заранее предупреждены о скорой разгрузке и успели к ней подготовиться, то моментально остановились, разгрузились и бросились врассыпную. Так что враг нам не успел сделать никакого вреда. Фашисты сбросили свой смертоносный груз куда попало и улетели. А нас сходу бросили в бой – освобождать от засевших немцев ближние деревни. От Казатина мы прошли почти без боя через Сигнал, Соколец, Кордышевку, Николаевку, Осиповку. Первое сопротивление встретили у Збаража, но особенно сильным оно было у села Брицкое. Из него фашисты выгнали всех жителей, под домами выкопали блиндажи, установили в них противотанковые пушки и из этих укрытий лупили так, что спасу не было. Один наш танк загорелся, но экипаж спасся.

Когда было взято Брицкое, мы получили новый приказ – идти в Зозов. Немцам удалось взять нас в клещи и придавить к реке Соб. Пощипали нас они изрядно. За время оккупации они построили мощные противотанковые укрепления, и нам пришлось туго. Однако и эти бои миновали, и нам дают новую команду – срочно направляться в районный центр Липовец, где фашисты свирепствуют с народом. А в нашем батальоне осталось всего 8 танков. Тогда командир батальона майор Сорокин Иван Николаевич берёт три танка и едет по правому берегу реки Соб из Зозова в Липовец, который находился на левом берегу реки.

Стояла вторая половина января, морозы доходили до 25 градусов. Мы очень спешили, так как отступающие фашисты всё уничтожали на своём пути. Надо было спасти посёлок и оставшееся в нём население. Подъезжаем уже близко к Липовцу, хотели перебраться на левый берег. А мост взорван, и под ним кругом сломанный лёд. Если нам возвращаться назад 18 км к известной нам переправе, а потом по левому берегу снова идти 18 км к Липовцу, то за это время от него ничего уже не останется – фашисты его сожгут, и жители все погибнут. Что делать?!

Майор Сорокин решил форсировать реку танками. В этом месте река шириной не более 80 или 100 метров. Отъехали от взорванного моста на безопасное расстояние ниже по реке, нашли отлогий берег и решили здесь попробовать переправиться. Майор Сорокин знал меня ещё с Курской битвы, и поэтому обратился ко мне: «Лаврега, ты у нас парень хваткий. Давай рискнём?» Я ответил: «Как прикажете». Он мне: «В таких делах не приказывают. На такое дело идут добровольно». Разве мог я отказать своему любимому командиру, с которым вместе прошёл через столько жестоких боев?!

Танк Т-34 вместе со снаряжением и боевым комплектом весит более 30 тонн. Выдержит ли лёд? Однако говорят, риск – благородное дело. Я хотел сам сесть за рычаги, но механик-водитель Володя Анкудинов сказал: «Не подведу!» Отъехали метров 50 и на четвёртой скорости помчались вихрем по льду. Однако противоположный берег оказался выше льда, и Володя хотел поэтому сбавить скорость... Тут лёд не выдержал, задняя часть танка оказалась в воде по башню, а передняя задрапа пушку вверх, как зенитка. Мы застряли, ни туда и ни сюда. Выбрались из танка. Постояли, порядились, что делать дальше. Но выход был только один: нужно было сцепить все шесть тросов, которые были у нас, и два танка, оставшиеся на правом берегу возьмут провалившийся танк на буксир. Для этого нужно было под ледяной водой зацепить трос за серьгу у танка.

Механик стоял молча, видимо, струсил, а размышлять некогда было. Я ухватил трос и прыгнул в воду. Вода оказалась по плечи. Пришлось трижды окунаться с головой, чтобы, наконец, ощупью под водой зацепить трос за серьгу. Фуфайка и ватные штаны на мне так намокли, что мне самому было уже не выбраться из воды.

Мои орлы вовремя вытащили меня из ледяной проруби – неожиданно налетели шесть «юнкерсов». Два танка на правом берегу успели уехать, а мы, четыре человека, отбежали от реки в поле, где стояла скирда соломы, и спрятались под неё. «Юнкерсы» сделали круг, зашли в пике над моим танком, сбросили две бомбы – и мой танк превратился в металлолом. Сидя в скирде в промокшей одежде, я сильно заоченел, и майор Сорокин дал мне свою фляжку со спиртом: «На, Григорий, глотни раза три».

Этим же вечером нам приказали идти к селу Очеретня. Так я и проходил, как чучело, в замёрзшей одежде три дня, пока она на мне не вымерзла досуха. Удивительно, но даже насморка не было.

А дело было так. Фашисты наступали на нас «в лоб», отвлекали, а тем временем основные силы пошли в обход, чтобы окружить нас и уничтожить. Однако наша разведка донесла, что нас окружают. Дан был приказ прорвать кольцо в направлении селения Очеретня. Выскочить из окружения удалось не всем. В нашей 242-ой танковой бригаде осталось 11 танков. Наступила ночь. Фашисты решили не рисковать, и всё затихло.

Вечером наша разведка сообщила, что в четырёх километрах от нас на станцию Погребнице прибыл немецкий эшелон с танками. «Тигров» и «пантер» было единиц 30. Наше командование разработало смелый план нападения на эту станцию: ночью уничтожить или захватить боевую технику противника. Рассчитывали застать спящих фашистов врасплох.

Такую задачу поставили полковнику Верёвченко, прибывшему к нам на стажировку. Его назначили командовать 11-ю танковыми экипажами, только что вышедшими из боя. Полковник был необстрелянным новичком, только что закончил военную академию и приехал к нам, как на парад – во всём новеньком, сшитом с иголки: шинель стального цвета, перчаточки, даже генеральская папаха. И ему доверили одиннадцать танков, оставшихся в живых после жестокого боя!

Сначала всё шло хорошо. Полковник вывел колонну танков за село Очеретня, там он остановил танки, собрал всех членов экипажей и приказал дальше двигаться при полной маскировке в темноте, без единого огонька. Всю колонну разделил на две части. Три танка идут на разведку первыми, а остальные двигаются на некотором расстоянии сзади и ждут сигнала красной ракеты, после которого бросаются вперёд на вырубку.

Полковник сел в машину младшего лейтенанта Шифрина Семёна Марковича, я ехал за ним, а за мной молодой танкист Андрей. Проехали примерно километр, и Сеня заметил впереди промелькнувшую искру огня. Решили, что это в немецких окопах часовой закурил. Сеня бросил «лимонку» и, видимо, попал в цель. После взрыва – тишина, которую мы долго прослушивали. Всё спокойно, и мы проехали ещё метров 500. Неожиданно заметили: что-то впереди чернеет. Подошли ближе и, хотя издали, но рассмотрели накрытые брезентом танки, а метрах в ста – здание, в котором, вероятно, спали немцы. Часовые задремали что ли? Нас подпустили так близко? Надо побыстрее их обезвредить, развернуть наши танки и направить огонь из шести пулемётов и трёх пушек по зданию. Такая мысль промелькнула, как молния, у всех нас. Но, как оказалось, у всех, кроме нашего командира – полковника Верёвченко.

На войне, как и в мирной жизни, побеждает тот, у кого выдержки больше. Наш молодой, необстрелянный командир растерялся и сделал то, чего никто не ожидал. Он неожиданно громко, во всё горло, закричал: «За мной, вперёд!» – хотя у него в руках были сигнальные флажки. Проснувшийся часовой пустил вверх красную ракету, предупреждая других часовых, стоявших у здания. Моментально выскочили и бросились к своим танкам немецкие танкисты.

Не разбирая дороги, наши танки, следом за первой машиной, где находился командир, помчались в темноту, подальше от опасности, так как принимать бой уже не имело смысла. В темноте заехали на железнодорожное полотно. Водитель Семёна на первом танке увидел впереди мостик и насыпь, повернул туда танк и юзом пошёл вниз по насыпи. Мой водитель пошёл по его следу, а за нами стал спускаться танк Андрея. Он с силой ударил мой танк по картеру заднего ведущего колеса и сорвал картер с болтов правой гусеницы. Сенин танк продолжал мчаться вглубь немецкого тыла, и вдруг впереди взрыв – танк наскочил на мину. Как оказалось потом, только гусеницу повредило. Полковник Верёвченко выскочил из машины и, ничего не сказав, бросился в сторону от танка и скрылся в неизвестном направлении. Больше мы его не видели.

Между тем, оставшиеся позади восемь танков смело шли нам на помощь. Наши посчитали, что это мы дали им сигнал красной ракетой. К тому времени, когда они подошли к немецкому расположению, мы, уже лишившись командира и двух танков, собрались у оставшегося танка за железнодорожной насыпью и были в полной растерянности. Немцы же, наоборот, за это время успели занять боевые позиции, развернули танки и, когда подошла наша танковая колонна, они в упор расстреляли её. Все экипажи погибли....

Мы слышали, как гибнут наши товарищи, но ничем не могли им помочь. Броню голыми руками не возьмёшь.

Пока шёл этот кратковременный страшный бой, мы вытащили затворы с пушек, спрятали под взорвавшийся танк Сени и бросили две гранаты Ф-1 в моторное отделение. Блок управления и по три гранаты взяли с собой и поспешили уходить, пока фрицы не разнюхали, где мы находимся.

Каюсь, горькие мысли одолевали нас: все решили, что полковник – враг народа, выполнял задание фашистов. Завёл 11 танков и 44 человека экипажей в тыл врага на гибель, а сам скрылся.

Тёмная ночь. Густая облачность. Куда нам идти? Где свои? Компаса у нас не было. Пойдём влево – налетают тучи трассирующих пуль, и мы падаем в снег. Пойдём вправо – загораются осветительные ракеты, а чьи наши или немецкие – не знаем! Опять в снег! Так мы проползали по снегу всю эту длинную, страшную ночь. Мокрым, уставшим, голодным, засыпающим на ходу, нам казалось, что за эту ночь мы весь земной шар обошли!

Когда мы полностью обессилели, и нам уже было всё равно куда попасть, неожиданно перед нами оказалась какая-то насыпь. Это была заброшенная железная дорога, вся засыпанная снегом. Вдруг далеко, за дорогой, послышались человеческие голоса. Кто это? Свои или враги? Присели за насыпью и стали прислушиваться. И вдруг слышим русский мат.

После того, что мы перенесли за эту ночь, эти отвратительные ругательные слова, которых я не переносил, сейчас показались родными. Когда голоса приблизились к нам, мы окликнули идущих. Попросили подойти к нам. Подошёл лейтенант с двумя солдатами. Все держали оружие наизготовку – ведь мы подошли со стороны противника. К этому времени уже рассвело, и на душе стало как-то лучше. Ведь мы теперь у своих. Тем не менее, нам дали команду выходить по одному из-за насыпи и сдавать оружие. Мы сдали два автомата, личные пистолеты ТТ и гранаты Ф-1. Повели нас, как арестантов, через всю деревню Чапаевка в землянку к подполковнику. Когда тот услышал, что мы из 31 танкового корпуса, то сразу же дружелюбно сказал: «Так это же наши соседи, они всё время нас выручают». Мы кратко рассказали о всех наших злоключениях и потерях в прошедшую ночь. Он посочувствовал нам и сразу же посоветовал побыстрее уходить из Чапаевки, так как сейчас начнётся сильный обстрел. Накормить нас он не смог, так как полевая кухня ещё не подошла. Все жители деревни были уже эвакуированы. Мы, не отдохнув, направились в указанном нам направлении на село Спиченцы, где и встретили наши тылы.

О судьбе нашего полковника Верёвченко мы узнали через несколько дней. После двухдневного боя наша смелая разведчица Евгения Данилюк ездила по передовой на трофейном мотоцикле и в бывшем немецком окопе увидела его труп. И вот мы снова встретились со своим командиром: на лбу вырезана пятиконечная звезда, на спине содрана полосами кожа, челюсть сбита влево. Видимо, его допрашивали с пытками, а потом казнили.

Похоронили полковника Верёвченко как героя в деревне Павловка на общем кладбище.

Победа

Нам, танкистам, потерявшим в боях танки, пришлось остаться в Винницкой области в ожидании пополнения новой техникой. В начале марта 1944 года наша продовольственная машина поехала за продуктами в село Погребище. Теперь там были наши тылы. Вся дорога была сплошное месиво, и машина застряла у самой станции. Майор Сорокин отправил меня с моим экипажем на помощь. И когда наш танк тащил на буксире эту машину, налетели на нас два «мессера», обстреляли и сбросили две бомбы. Я сидел на вершине танка, но уцелел, хотя и был ранен – осколок чиркнул по пальцам правой руки. Отбило двум пальцам концы, а третий перебило. Я посчитал, что это небольшое ранение и в госпиталь не пошёл. Однако началось опасное загноение, меня отправили в госпиталь, где сделали операцию.

Через два месяца лечения я догнал свою часть уже в Западной Украине, в Ивано-Франковске. После лечения меня не стали сразу направлять на фронт, а отправили в тыл на СПАМ ремонтировать танки. Я сопротивлялся этому, возражал: «Я не хозяйственник, а строевой командир танка!» Но мне полковник Макаров из 242 танковой бригады ответил, что на войне не избирают профессии. Нужно выполнять приказ. Во время войны не ты сам себе хозяин, а старший по званию. Уговаривал и по-

хорошему: «Ведь ты воюешь с первых дней войны! Где только не побывал в боях. Трижды ранен, хватит. Иди в тыл и руководи ремонтом танков».

Вечером приехали мы с Макаровым в его бригаду. Собрал он всех хозяйственных шоферов и при мне им говорит: «Это ваш новый командир взвода. Прошу любить и жаловать!» Меня он предупредил: «Будет малейшее недоразумение или недопонимание в чём-либо – беги ко мне. Решим вместе любой вопрос».

Однако повоевать мне ещё пришлось. Вместе со своим 31-ым танковым корпусом я дошёл до Вислы, а затем до Одера. От Одера повернули на Бреслау. Весной 1945 года в немецком городе Гинденбурге мы получили особое задание – гнать фашистов, не давая им укрепиться в Татрах, и через перевал выйти к чешскому городку на Эльбе, название которого я забыл.

Путь был далёкий, тяжкий и опасный. Бойцам почти не приходилось отдыхать. Шли измученные, усталые, иногда даже на ходу засыпали. Немало погибло наших шофёров, которые от усталости уснули за рулём и упали вместе с машинами в пропасть. И это в самые последние дни войны!

Наконец, утром 8 мая мы вышли к этому городку, и нам разрешили остановиться и отдохнуть. Чехи нас приветствовали. Везде слышалось: «Наздар! Наздар!» Солдат приглашали в дома на отдых, дарили подарки.

Наш танковый батальон, насчитывающий к тому времени всего 45 человек и 6 танков, привели на отдых ко двору одного чеха. Майор Панков построил личный состав и стал нам говорить: «У пана чеха во дворе большой навес, под которым лежит прошлогоднее сено, попросим, чтобы он разрешил нам на нём отдохнуть». Пан стоял в стороне и с опаской наблюдал за нашим разговором. Видимо, он кое-что понимал по-русски. Он подошёл к майору и, путая чешские слова с русскими, стал объяснять что-то. Главной его мыслью было то, что нельзя спать в сене русскому солдату, завоевавшему весь мир. Он берётся всё устроить хорошо. Затем он быстро убежал и вернулся минут через 15, приведя с собой человек 10 соседей. наших солдат разобрали по домам по два-три человека, накормили и уложили отдыхать. И мы уснули блаженным сном, даже не подозревая, что в это самое время в Берлине Георгий Константинович Жуков подписывает Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

В 9 часов вечера всё небо чешского городка осветилось радостным салютом – тысячами трассирующих пуль, снарядов, ракет. Мы не спали всю ночь – все ликовали. Наш пан чех отдал нам для праздника свой сад, куда к нам приходило множество местных жителей. Все приветствовали нас: «Наздар!» Многие приносили нам разные подарки – угощение.

На следующий день, 9 мая, всем огласили великую победу. Это был конец тяжелейшей войны.

Бесчестье

Счастлив бывал, да бесчестье в руки поймал.

Итак, вся моя молодость прошла в войнах. Вернулся я осенью 1945 года в родное село инвалидом второй группы. Что могло остаться от села после того, как через него пролегла несколько раз передовая линия наших фронтов! Там камня на камне не осталось! За что зацепиться моими покалеченными руками?

Уцелевшие односельчане летом приготовили землянки и собирались в них зимовать. А у меня даже этого не было.

Правда, единственная радость, что жива сестра Анна. Она меня и утешила немного. Особенно я воспрянул духом, когда она достала и отдала мне Библию – довоенный подарок мне от деда Якова Трофимовича. Когда я ушёл в армию, то передал её на сохранение матери, а она передала её перед смертью Анне. Перед приходом фашистов сестра завернула Библию в хорошую одежду, положила в крепкий мешок и закопала глубоко в землю, а место заметила. И вот чудо! Библия сохранилась, как новая.

Да, в ту страшную войну фашисты не смогли порушить святыни нашего сердца! Сколько горя они оставили после своего нашествия на нашу страну! Сколько убитых молодых жизней, детей, женщин, стариков... Сколько раненных! А сколько покалеченных душ и сломленных судеб!

Война закончилась, но её ядовитые стрелы продолжали наступать на меня и разить в самое сердце ещё многие годы.

Сразу после войны не однажды пытался я встретиться со своим сыном Василием, ездил к нему раза три. Но подросток был настроен против меня своей матерью и не захотел считать меня своим отцом. Вырос он, как трава в поле. Когда в хрущёвские времена снова начали рушить церкви, он, будучи комсомольцем, принял в этом участие: валил кресты, срывал колокола. Когда женился, жена родила ему трёх мёртвых детей. Он, конечно, очень переживал. И вот, как потом рассказала мне в письме моя сестра Анна, с которой он всё-таки поддерживал отношения, приснился ему однажды дед в белой одежде и сказал ему: «Сынок, пойди в церковь и жди, когда запоют: «Иже херувимы, тайно образующе...» В этот момент встань перед алтарём на колени, ударь три поклона и скажи: «Прости меня, Господи, за моё злодеяние!» Но он этого не сделал.

Получив письмо от сестры (а я тогда жил под Ленинградом), я тут же написал сыну, надеясь, что он поймёт меня: «Когда ты, сынок, родился, бабушка настояла, и тебя крестили, хоть и было это в 1936 году. Почему же ты сейчас отворачиваешься от креста? Ведь Бог милостив».

Однако ответа на это письмо я не получил. Так навсегда разошлись наши дороги. По-видимому, Господь меня наказал за горькую судьбу сына. Расскажу всё по порядку.

Как я уже говорил, вернулся я в своё родное село осенью 1945 года. От села ничего не осталось. А те, кто всё-таки остался в живых, накопили землянок и там спасались от холода. Что мне одному делать здесь? И вот узнал я, что в Сумской области в посёлке Кияница начинается восстановление сахарного завода, требуются рабочие, одиноким дают общежитие. Поехал туда, и приняли меня на работу каменщиком 3-го разряда, хотя я в этом деле ничего не смыслил сначала.

Был я одиноким и бесприютным, а так хотелось после тяжёлых годов войны простого семейного очага. И вот познакомился я с молодой женщиной, заведовавшей почтой. Очень скоро мы поженились с Галиной, в конце 1946 года у нас родилась дочурка, а в 1948 – сын. За мою хорошую работу выделили мне двухкомнатную квартиру. Одной семьёй с нами стали жить тёща и младшая сестра жены, мы их выписали к себе с их родных мест. К 1952 году завод уже пустили в ход, я к тому времени работал диспетчером при автоколонне и получал хорошую зарплату. Всё шло хорошо.

И вот неожиданный звонок из военкомата. Звонил майор Кутайцев: «Лаврега, завтра утром явиться в райвоенкомат со всеми документами». Этого майора я хорошо знал, поэтому удивился его официальному тону.

На следующее утро я отправился в наш районный центр Хотень. Майор встретил меня, как всегда дружелюбно, пожал мне руку, спросил, как мои семейные дела. Я ответил: «Да, слава Богу, хорошо. Детишки растут. Дочурке 6 лет, собирается на следующий год в школу, а сыну – 4 годика». И вдруг Кутайцев задаёт мне вопрос: «А ты за своей женой ничего не замечаешь?» Я обмер: ещё не утихла боль от моей первой женитьбы, а тут опять что-то произошло! Отвечаю майору: «Нет, у нас всё хорошо». Тогда майор говорит мне: «Иди к начальнику МВД товарищу Овчарову. Он тебе всё расскажет».

Идти было недалеко, но по дороге стало страшно, как под миномётным огнём в танке. Майор Овчаров встретил меня спокойно. Спросил: «Чем интересуешься? Её прошлым?» Я не знал, что говорить и молчал в смятении. Тогда он велел своему помощнику капитану принести папку за 1943 год. Тот принёс, майор достал из неё одну фотографию и протянул мне со словами: «Кого ты здесь узнаёшь?» Я впился глазами в снимок. Сначала бросились в глаза три девушки, запряжённые, как лошади, и тянущие плуг. За плугом стоит мужик, как мне потом пояснили, староста Подлужный. Всё остальное, что я увидел на этой фотографии, повергло меня в ужас и стыд: перед девушками стоит фашист, в чём мама на свет родила, и манит девушек конфеткой, а немного в стороне стоит какая-то голая женщина – на голове шляпа, на руках длинные перчатки, а на ногах туфли. Я взглянул в женщину, и в глазах у меня потемнело... Это была моя жена Галина...

Не дав мне опомниться, Овчаров протягивает мне вторую фотографию, на которой я опять взглянул свою улыбающуюся жену в обществе голых фашистов. У меня от этой бесстыжей картинки в глазах помутилось. А майор мне поясняет: «Нашли всё это при обыске старосты Подлужного, который не успел скрыться. Вот и Галину нашли».

Затем, не особенно обращая внимания на моё состояние – а я еле стоял на ногах и поэтому сел на стул – майор сообщил, что жену арестуют для следствия по делу Подлужного. Меня, как ни в чём не виновного, они не будут привлекать, но я им мешаю в этом деле. Овчаренко мне приказал: «Иди сейчас домой и не рассказывай, где был и что видел. Скажи, что уезжаешь в командировку, собери чемодан, простись с детьми и приходи в военкомат. Там тебе дадут направление на работу под Ленинград. О детях мы позаботимся. Устроишься – возмёшь их к себе».

Я вышел от них совсем одуревшим. В сознании не укладывалось то, что я узнал. Да и как я брошу самое дорогое – детей? И как пережить позор жены, с которой я прожил вместе восемь лет?

Дома Галины не было. Спросил о ней у тёщи, но она необычно зло ответила: «А чёрт вас знает, где вы ходите!» Я понял, что она ужасно расстроена и уже что-то знает. Не дождавшись жены, я собрал чемодан, со слезами попрощался с детьми и ушёл в военкомат. Там выписали направление на строительство под Ленинград, и в тот же вечер я уехал.

А жене кто-то сообщил о предстоящем аресте, и она скрылась. Некоторые уже думали, что она покончила с собой. Однако через два года, опять же при тяжёлых для меня обстоятельствах, я узнал, что она жива. Но об этом я расскажу в своё время.

Дружеский союз

Знать по судьбе нашей бороной проехали.

И вот я в Зеленогорске, который был до 1940 года финским городком-курортом Терийокки. Для восстановления жизни в Ленинградской области после военной разрухи требовалось очень много строителей. Людей присылали, вроде меня, или они сами ехали сюда со всех концов Советского Союза. С жильём было плохо. Спали в уцелевших финских домиках вповалку, кто где мог пристроиться. А летом обычно спали прямо на стройке под лесами. Зарплату сначала давали маленькую – 30 рублей. Отошлешь детям, которые жили у тёщи, 20 рублей, а себе – 10. Хватало этих денег только на перловую сечку: наваришь вечером на ужин каши в кастрюльке без хлеба и какого-либо жира и поужинаешь, да ещё оставишь на завтрак и на обед на следующий день. Вот так и жил, вернее, существовал. А если норму не выполнишь – из бригады попросят уйти.

Прошло два года. Шёл 1954 год. Много в стране стало меняться после смерти Сталина. И вдруг меня вызывают в прокуратуру на допрос. Разговаривал со мной прокурор Завьялов, который оказался хорошим человеком и постарался разобраться в запутанном деле, которое ему досталось. Он сразу же спросил меня, посылаю ли я детям деньги. Я ответил: «Сам не ем, а им отправляю пособие». Тогда он мне говорит: «Сколько же у тебя детей?» Говорю: «Двое: дочурка 1946 года рождения и сын 1948». А Завьялов меня ошарашил: «Ошибаешься! У тебя теперь трое детей. Пришла повестка на взыскание алиментов из Крыма. Тебе полагается завтра в 10 часов быть в суде Советского района в Крыму». Это было в апреле 1954 года. Какой ребёнок?! Я два года не видел жены и знать не хотел, где она находится! И как я за ночь доберусь из Зеленогорска до Крыма?!

Завьялов, как опытный и бывалый человек, сразу дал мне совет: «Отправляй «молнию» с просьбой отложить дело до выяснения обстоятельств». На второй день он сам отпечатал на машинке текст делового письма, в котором удостоверял районный суд, что я безвыездно проживал два года в Зеленогорске, жена ко мне не приезжала, поэтому я не являюсь отцом ребёнка. Через некоторое время Завьялов получил ответ из Крыма и вызвал меня снова, чтобы сообщить новости. Суд прекратил дело в виду ложных показаний моей бывшей жены и предлагал начать встречный иск за клевету. Одновременно сообщалось, что Галина уже находится под арестом за хищение государственного имущества.

Как развивались дальше события, мне написали мои друзья из Кияницы. Надо сказать, что после бегства Галины и моего вынужденного отъезда в Зеленогорск, моих детей вместе с бабушкой переселили из квартиры, которую я получил в своё время, в комнату в общежитии. Конечно, детям жилось несладко без родителей. И вот когда Галине угрожала тюрьма до пяти лет, она вызвала свою мать и детей в Крым. Суд пожалел троих детей и вместо тюремного заключения выслал её из Крыма в 24 часа. Все они вернулись домой. А за её поведение во время войны она так и не получила ника-

кого наказания, поскольку её прямой причастности к преступлениям фашистов и полицеев не было доказано. Да и времена изменились.

Так время шло вперёд, а эхо войны преследовало меня по пятам, не давая сердцу утешения. Однако в 1955 году это утешение я, наконец, обрёл. Нашел себе много пострадавшую, как и я, женщину. Татьяна Ивановна была душа-человек. Обоим нам было сорок два года, оба прошли через тяжёлые семейные испытания, не говоря о войне, которая всем без исключения принесла одни беды. В прошлом у Татьяны Ивановны было двое детей – сын и дочь, а муж – пьяница и разбойник. Удивительно, детей звали как и моих: сына – Славик, а дочку – Тамара. Только у меня сын был младше дочери, а у неё наоборот. Жили они тогда в Ярославской области в городе Угличе. Муж после войны уехал работать шофёром в автоколонне. Деньги ей не присылал, и она растила детей одна, испытывая большие материальные трудности. Правда, помогали ей два её брата – Николай и Иван, которые работали на Волге грузчиками – носили по трапу мешки на пароходы, и её брали с собой, так как она никакой работы не боялась.

И вот когда уже дети подросли, Славiku было 17 лет, а Тамаре 15, случилась с ними беда. Шли как-то брат с сестрой домой, и заметил Славик в кустах четырёх школьников, которые между собой о чём-то спорили, а один держал в руках непонятный предмет. Славик подошёл к ним поближе и вдруг понял, что это за предмет. Это была граната. Он закричал детям с испугом: «Бросьте гранату! Да подальше от себя!» Видимо, чека в гранате была выдернута. Раздался взрыв. На глазах Тамары все четверо школьников были убиты, а Славика тяжело ранило. Вскоре он скончался в больнице, а сестра от потрясения заболела менингитом и тоже умерла...

Муж Татьяны Ивановны даже на похороны детей не приехал. Вскоре она уехала насовсем из Углича, подальше от места страшных событий, от одиночества, от безысходности... Устроилась она на лесоразработки в Рошино под Ленинградом. Там мы с ней и встретились. Уставшие от голодного существования, мы, четверо мужиков, решили подработать в выходные дни: подрядились строить барак-общежитие для лесоразработчиков. Из их числа нам дали подсобниц. Мне досталась Татьяна.

В первую получку нам, как вольнонаёмным строителям, заплатили хорошо, а женщин-подсобниц обидели: ничего не заплатили, сказав, что они и так уже получают зарплату в этой организации. Я был старшим в нашей бригаде, поэтому пошёл и настоял, чтобы и женщинам заплатили положенное за работу в выходные дни, иначе мы бросаем работу. На другой же день этот горе-начальник выдал женщинам деньги, а через день его уволили за обман рабочих.

Как-то раз приезжает на мотоцикле из Ленинграда Татьянин муж и требует денег. Кто-то из знакомых ему сообщил, что его жена работает по выходным и «хорошо зарабатывает». Вёл он себя очень нагло, и ребята наши, родом вологодские, «дали ему денег». Больше он не появлялся.

Татьяна запала мне в сердце своей беззащитностью и горькой судьбой. Мне её было до слёз жалко, я её стал воспринимать как своего, родного человека. Рассказал о своей судьбе и предложил жить вместе. Она сначала колебалась. Я попросил у своего начальника дать комнату в семейном общежитии, и она решилась перейти ко мне.

Жили мы с Татьяной душа в душу. Добрая была женщина. Сама стала просить забрать моих детей к нам. А жилось им там несладко, и у меня душа о них болела. Приезжал за ними в Кияницу, но мать и бабушка мне их не отдавали, однако сын Славик, закончивший первый класс, ко мне сразу привязался и вскоре с попутчицей, которая направлялась в Ленинград из тех мест, приехал к нам в Зеленогорск. Татьяна с сыном так подружилась, как другая мать не смогла бы дружить со своим родным ребёнком. Она была верной любящей женой и матерью. Жизнь наша вошла в спокойное русло.

В 1961 году нам дали квартиру. Славик вырос и ушёл служить в армию. Перед демобилизацией он написал: «Папа, я решил остаться в армии на сверхсрочную. Буду жить в Барановичах». Я был рад, что сын пошёл по моим стопам и стал военным человеком, как я в молодости.

Всё было бы хорошо, но жена начала болеть. Врачи определили, что у неё цирроз печени. Сказывалось тяжёлое прошлое. Последние два года она почти не вставала с постели, и я, за ней ухаживая, насмотрелся на её страдания и сам настрадался. Татьяна умерла 6 января под Рождество.

В 1973 году мне исполнилось 60 лет, и снова был я одинок душой и бесприютен. Славик к тому времени женился, у него была своя семья, двое детей. Виделись редко. Сын пишет: «Папа, твои годы идут к старости. Одному тебе будет плохо. Найди себе старушку». Добрые соседи тоже мне такой совет давали и пытались найти подходящую партию.

И вот судьба свела меня с Екатериной Фёдоровной. Это был не человек, а ангел. Она тоже была моей ровесницей, и тоже к тому времени прожила нелёгкую жизнь. Отец её был дьяконом, и в двадцатые годы их семью репрессировали – выгнали с малыми детьми из собственного дома. Родители были людьми мужественными и трудолюбивыми. Объединились они ещё с двумя такими же бесприютными семьями и в пустынном месте, подальше от людей, выстроили дома и стали жить потихоньку. Там они и работали, там и молились. Удалось им с собой взять несколько икон и церковных книг. Был с ними и довольно большой портрет отца Иоанна Кронштадтского, которого родители Екатерины очень почитали, хотя он тогда ещё не был канонизирован.

Екатерина Федоровна с детства впитала православную веру и очень любила церковное пение. Долгие годы пела в церковном хоре. Однако семейная жизнь сложилась у неё неудачно. Вышла замуж за моряка, который после войны спился и умер. Остался сын, унаследовавший отцовскую страсть к спиртному. Жил он в Ленинграде, а Екатерина Фёдоровна жила одинокой пенсионеркой в Зеленогорске в Парковом переулке.

Меня с ней познакомила наша соседка Римма Сергеевна – человек решительный и деятельный. Однажды летом она пришла ко мне и говорит: «Гриша, одевайся понаряднее, поведу тебя сватать к одной доброй женщине. Я её хорошо знаю и о тебе уже всё рассказала». Я немного поупрямился, но покорился её нажиму, хотя мне и не по себе стало. Пришли к Екатерине Фёдоровне, втроем побеседовали, вместе поужинали. И так на душе хорошо и спокойно стало, что в этот же вечер решил, что это моя судьба. Екатерина Фёдоровна тоже прониклась ко мне доверием и обратилась ко мне с просьбой. На следующий день ей нужно было поехать в Ленинград, а её собаку; сторожившую дом, некому было покормить. Я, конечно, согласился. Она предупредила: «Мухтар очень злой, чужих не любит. Будьте с ним осторожны. Пойдёмте, я покажу, где лучше подойти и поставить ему еду. А через калитку к нему подходить нельзя – тяпнет». Мы вышли во двор, и я, будучи в хорошем настроении, подошёл к калитке и протянул через щель руку, чтобы погладить Мухтара. Екатерина Фёдоровна как закричит: «Осторожно! Пальцы откусит!» А пёс внимательно посмотрел мне в глаза, а затем лизнул мне руку и завил хвостом. Тогда я открыл калитку, зашёл, и мы с Мухтаром стали друг друга ласкать, как давно не видевшиеся друзья. Я его гладил, а он лизал мне руку. Я повернулся к Екатерине Фёдоровне и говорю: «Какой же он злой! Он добрый пёс». Она стояла в изумлении: «Четыре года никого к себе не подпускал, кроме меня, а тут какое-то чудо!» Я подумал про себя: «Никакое не чудо. Мухтар – умная собака и понял, что я скоро буду его хозяином».

На следующий день я остался хозяйничать в доме Екатерины Фёдоровны. Из Ленинграда она должна была вернуться на следующее утро и сразу идти на работу. Еду для Мухтара она оставила на кухне, я его покормил, но не стал спешить уходить домой. Осмотрел двор и заметил у сарая большую кучу угля. Дом имел свой котёл для отопления. Я нашёл в сарае возок, лопату, отвязал Мухтара и стал возить уголь в сарай. Пёс всё время был со мной, и, когда во втором часу ночи я закончил работу и хотел уходить, мне стало жалко оставлять его одного, и мы на пару пошли ко мне домой.

Дома я ещё раз его покормил и постелил в прихожей. Утром мы, как два друга, отправились в парк, где собака сама меня привела к месту работы Екатерины Фёдоровны. Так началось наше знакомство, но поженились мы только через год.

Наша жизнь с Катей была радостной, светлой. словно мы освободились от груза прошлых несчастий и бед и с новыми силами стали продолжать нашу жизнь в труде и приятных заботах. У Кати в Сланцевском районе в деревне Ложголово был довольно хороший, но запущенный дом. В войну немцы в нём жили, а совсем рядом был сборный пункт аварийных машин. Кругом дома валялись груды ржавого металла, камней, разного хлама. Мы вдвоём расчистили этот участок, причём не-

которые камни были такими неподъёмными, что я выкапывал рядом с ними ямы, сталкивал их туда и закапывал. За первое лето и осень привели участок в полный порядок, огородили его. Почистили старый колодец, установили в нём два бетонных кольца. Дом тоже обновили: подвели снизу два венца, пристроили к дому веранду. Работали мы с Катей с раннего утра до позднего вечера. А, как известно, с мая до июля под Ленинградом ночи почти нет, вернее, есть белые ночи.

На следующий год купили мы пчёл, два домика. Разбили огород, сад. Словом – живи да радуйся. Вечером сядем возле дома и тихонько запоём, – Катя хорошо пела и любила петь.

Когда мы обустроили нашу дачу, стали на ней жить с марта до ноября. Мы уже в то время не работали. Свою квартиру в Зеленогорске я сдавал на лето отдыхающим. Появился у нас и материальный достаток. Встал я в военкомате в льготную очередь на «жигули». Начинался наш «дачный» сезон с того, что в марте ехали мы на электричках в Эстонию в город Раквере, покупали там поросёнка и везли его на дачу в Ложголово. Там мы его держали на кухне за печью до мая, в мае переводили в сарай и выкармливали до ноября. А в ноябре, с запасами овощей, фруктов и мяса ехали на зимовку в Зеленогорск.

Но вот наступило лето 1980 года. 11 июля, как обычно, нам нужно было ехать в Зеленогорск за пенсией. Но в тот раз пришлось ехать Кате одной, так как начали роиться пчёлы, за ними нужен внимательный присмотр, иначе рой может улететь. Я остался на даче. Договорились, что 12 июля она получит обе пенсии, купит необходимое и вечером вернётся сюда. И вот я встречаю её на автобусной остановке в Загорье, идём до Ложголово километр по лесной дороге и спокойно разговариваем, обмениваемся новостями нашей спокойной и радостной жизни. Кругом рай земной. Ничто не предвещает беды.

Когда пришли домой, Катю словно подменили. Со слезами на глазах она мне говорит: «Гриша, я тебе по дороге не всё рассказала». И протягивает мне какую-то бумажку. Я смотрю: телеграмма «молния» и короткий текст «Ваш сын Лаврега Вячеслав Григорьевич трагически погиб 10. 07. 80. Похороны 12 июля в 14.00». Я это прочёл, а что дальше было – не помню.

Проснулся я под капельницей в отделении реанимации больницы города Сланцы, который находился от Ложголово в 25 километрах. Рядом кислородная подушка. Ко мне наклонился врач и сказал: «У вас инфаркт миокарда. Лежите спокойно». Я снова уснул. И так я пролежал в больнице три недели. Когда стало лучше, я попросился на выписку. Катя меня ругала, просила ещё полечиться, но я всё-таки выписался и уехал к ней на дачу. Не хотел, чтобы она жила там в одиночестве.

У Славика осталась жена с тремя детьми. Я им помогал долгое время. Но внуки выросли и забыли о деде.

Потихоньку я успокаивался внешне, но внутри остался вулкан неугасимой боли. А тут через три года новая беда.

1983 год оказался роковым. 17 марта утром решили ехать от Зеленогорска до Веймарна дизелем, а там автобусом до Загорья. А оттуда уже рукой подать до нашей дачи. Встали рано утром, и Катя говорит мне: «Гриша, что-то сердце колет и ноет». Я сказал: «Катя, давай отложим поездку, поедем завтра, а сейчас иди в поликлинику к врачу». А она мне: «Да ерунда. Пройдёт». Я всё-таки настоял, и не зря: наш участковый врач послушала её сердце и тут же дала направление в больницу. Две недели я ходил к Кате и был всё время рядом с ней. Больница была недалеко от нашего дома. 31 марта вечером она мне говорит. «Гриша, завтра утром рано ко мне не ходи. Придётся часов в 11–12». Мы простились, и я ушёл домой.

Всю ночь не спалось. Утром поднялся какой-то усталый, а где мог устать?! Обождал до 11 часов и решил идти к Кате. Только зашёл в больницу, подходит ко мне медсестра и говорит: «Григорий Кононович, зайдите в ординаторскую к врачу Марии Николаевне!» Я в ответ: «А что случилось?» Медсестра промолчала, и я в тревоге направился к врачу. Мария Николаевна меня встретила словами: «Григорий Кононович, крепитесь. Двадцать минут назад Екатерина Фёдоровна скончалась». Больше я ничего не помню.

Очнулся на кушетке в ординаторской часа через два. Поднялся в каком-то безразличном оцепенении. Врач провела меня к Кате, которую уже обмыли и накрыли простынёй. Она лежала и улыбалась. Я в таком же безразличном состоянии вышел из больницы и пошёл неизвестно куда. Долго блуждал по городу, неизвестно что искал. Вернулся домой только к ночи, и то с большим трудом заставил себя это сделать.

Без меня добрые соседи сообщили по телефону о смерти Кати родственникам в Ленинграде – сестре и сыну. Сын явился пьяный, и его соседи выгнали с квартиры, где уже лежала на столе прибранная Катя. На другой день 2 апреля отвезли гроб в Никольскую церковь в Ленинграде, 3 апреля отпели её там, а после панихиды вернулись в Зеленогорск и похоронили на местном кладбище – рядом с могилой Тани.

Когда гроб опускали в могилу, я свалился без сознания на землю. На «скорой» меня доставили в больницу. Очнулся я в отделении реанимации под капельницей. Снова у меня инфаркт. И снова я, несмотря ни на что, жив! В больнице я пролежал с 3 апреля до 12 июня. Видимо, жалея меня – старика, врачи постарались подольше меня продержать под наблюдением. Когда почувствовал себя получше, стал проситься домой. Меня выписали, и ещё полтора месяца ко мне приходила медсестра и делала уколы.

Меня охватило чувство пустоты и безысходности. Признаюсь, мне впервые в жизни стало по-настоящему страшно. К боли утраты самого дорогого человека прибавлялись ещё и последствия инфаркта – какой-то испуг постоянный. Медики говорят, что психические расстройства часто бывают во время и после этой болезни, так что со мной могло быть и хуже. Этот испуг усилился после одного случая. Решил я помыться в ванной, и когда я лежал в воде – неожиданно меня словно парализовало. Какой-то силой стянуло мне руки и ноги. Как в кошмарном сне, я не мог пошевелиться и стал сползать в воду. Вода подошла ко рту, к носу. Тело, как мёртвое, а сознание не теряю. Стал кричать, звать на помощь?! Но кто меня услышит за запертыми дверями! Всё – конец, сейчас захлебнусь... И вдруг левая нога начала как-то выпрямляться от судороги, я упёрся ею в стенку ванны, и туловище поднялось намного выше воды. В таком положении я и заснул, или потерял сознание, сам не знаю. Проснулся уже вечером в девять часов, а мыться пошёл часа в четыре. Итак, я провёл в воде около пяти часов, очень замёрз, но не утонул. Бог опять оставил меня жить на этом свете. Но с какой целью? Это было мне неизвестно...

Жертва

Век протянется, всем достанется.

После тягот войны довелось мне не менее тяжёлый путь пройти, испытать всякие беззакония, обман, потери близких и родных. До самой старости путь был долог и жесток. Мне уже 70 лет, а кругом ни родных, ни близких... Как такое со мной случилось?

После того, как я чуть не утонул в ванной, старался быть поближе к соседям. Всё-таки уже давно живём в одном доме. В случае чего, мне помогут. Ближе всего я сошёлся с соседом, Алексеем, который жил в квартире подо мной. Мы с ним и раньше вместе ходили в лес, как и подобает добрым соседям. В наших лесах мы знали много грибных и ягодных мест. Семья у него была хорошая: жена, две дочери – одна замужем за военным – внук. Мог ли я подумать, что этот человек способен на бесчестный поступок?!

Как-то я рассказал ему, что случилось со мной в ванной. А он мне и говорит: «Дядя Гриша, Вам нельзя жить одному после такой болезни. Ты найди себе старушку, она тебя и доглядит до самой смерти». Я ему в ответ: «Мне никто уже не нужен, и я никому такой старый и больной не нужен». А он опять за своё: «Знаю я одну хорошую старушку, она работает в нашем пионерском лагере на кухне. Тихая. Я вас познакомлю». Я его поблагодарил за заботу. Мне тогда и в голову не приходили никакие подозрения относительно его порядочности.

И вот дня через два он привёл её ко мне. Поздоровались, и я сразу вижу, что Евгения, так её звали, мне не пара – намного моложе. Стали разговаривать, выяснилось, что действительно ей нет ещё и шестидесяти. Я ей рассказал немного о своей горемычной судьбе. Она мне тоже говорила о своём одиночестве: с мужем разошлась, дети взрослые живут своими семьями. Стала она ко мне приезжать и ухаживать за мной: полы помоеет, постирает, приготовит еду. Мне стало как-то легче переносить своё горе и болезнь.

Прошло так месяца два, и она меня просит: «Кононович, я в сентябре буду оформлять пенсию. С пионерского лагеря мне ездить далеко и неудобно в Ленинград, а из Зеленогорска на электричке – 20 минут». Я подумал про себя: «Что я теряю? Мне даже лучше. Случись что со мной, она и «скорую»

вызовет, и поможет». Оформила Евгения пенсию, уволилась с работы и стала жить у меня. А я уже и привык к тому, что со мной рядом живой человек. Одному-то страшно оставаться.

В конце концов она сама мне предложила: «Давай зарегистрируемся. Перед соседями неудобно. Живу у тебя, как квартирантка». Я согласился, так как никакого другого выхода для себя не видел. После регистрации сделали вечеринку, после которой Евгению как подменили. Стала ко мне небрежно относиться, и заметил я постепенно, что у неё какие-то особые отношения с Цветковым. К сожалению, я понял, что эта женщина – авантюристка, и ей нужна моя квартира. Видимо, сосед её обнадёжил, что я на этом свете не жилец и скоро её освобожу

Как горько мне, одинокому старику, было осознавать, что меня решили принести в жертву. Зачем я так доверился Цветкову? Ведь я рассчитывал на то, что он мне друг и хочет мне помочь, поэтому я не думал, что он недобрую женщину приведёт ко мне в дом.

Но что было делать? Не разводиться же на старости лет! И вот постепенно созрела у меня мысль – уехать из Зеленограда, подальше от позора, куда глаза глядят. Думалось, что на новом месте всё переменится к лучшему. Евгении эта мысль тоже понравилась. На это у неё были свои причины. Предложила она мне поменять квартиру в Зеленогорске на Гомель в Белоруссии. Она была родом из тех мест. И вот я нашёл обмен, и 7 апреля 1986 года мы приехали в Гомель. А 26 апреля произошла чернобыльская авария, и город оказался в зоне высокой радиации...

Что я наделал? Бросил ставший родным Зеленогорск, в котором я прожил 30 лет! Бросил могилки Тани и Кати! Бросил добрых соседей, которые действительно ко мне хорошо относились! Сидя в незнакомой, чужой квартире в Гомеле, слушая тревожные сводки о состоянии дел на аварийной атомной станции, чувствуя скрытую враждебность моей так называемой «жены», я с горьким сожалением вспоминал, как потерянный рай, Зеленогорск, Ложголово, где сидя вечером у дома, мы тихо пели с Катей наши песни...

В Гомеле Евгения совсем перестала со мной церемониться. Требовала, чтобы я, как молодой, работал на даче у её сестры, носил тяжёлые корзины с овощами, ягодами и прочее... Но сердце болело больше не от физической нагрузки – я к ней привык – а от нравственных страданий и одиночества. Ведь тяжело и страшно думать, что кто-то ждёт твоей смерти!

Наконец, в 1988 году Евгении надоело жить со мной под одной крышей. Она в моё отсутствие с помощью сестры погрузила на машину что было получше из моего барахла и увезла к сестре на квартиру, а сама отправилась к сыну в Ленинград. Мне не оставили даже постельного белья, и сначала пришлось спать на диване одетым.

Из Ленинграда она подала заявление на развод и раздел квартиры. Я, конечно, дал согласие. После развода она снова поселилась рядом со мной в моей квартире на правах соседки. После всего этого я слёг с сердечными приступами и не знал, встану ли я уже.

Встреча

– Сестра, ты помнишь, как из боя
Меня ты вынесла в санбат?
– Остались живы мы с тобою
В тот раз, товарищ мой и брат.
На всю оставшуюся жизнь
Нам хватит подвигов и славы,
Победы над врагом кровавым, –
На всю оставшуюся жизнь.

*Из песни «На всю оставшуюся жизнь...»
(Музыка – В. Баснер, слова – П. Фоменко, Б. Вахтин)*

За два года жизни в Гомеле я так и не приобрёл друзей, так как всё время находился в подавленном состоянии. Не был знаком ни с кем из Совета ветеранов, который был очень сильным и дружным, как потом оказалось. И вот осенью 1988 года приходит ко мне сам председатель Совета ветеранов, а с ним старая женщина – врач. Посмотрел на меня, что я еле жив, и говорит врачу: «Мария Андре-

евна, завтра же постарайтесь найти в госпитале место положить Григория Кононовича на лечение». Действительно, на следующий же день меня отвезли на «скорой» в госпиталь.

Мария Андреевна, сама ветеран войны, как работающий врач, имела постоянное поручение опекать болеющих ветеранов, оказывать им содействие в лечении, в лекарствах, что она добросовестно исполняла. Помню, в 1989 году она меня опять дважды устраивала на лечение в госпиталь.

В 1990 году в мае, перед Днём Победы, пригласили нас, ветеранов нашего микрорайона, на праздник в школу. Была торжественная часть, потом концерт, а после него повели нас в школьный музей боевой славы, который создали сами ученики старших классов. На столах лежали экспонаты – свидетельства военного времени: саперные лопатки, каски с пулевыми пробоинами и другое. А над экспонатами на стене висела большая доска, на которой сверху большими буквами было написано: «Воины – освободители города Гомеля и Гомельской области». Под надписью располагались фотографии в три ряда. Я думаю: «Дай посмотрю фотографии, а вдруг кто-то знакомый здесь есть. Вот было бы хорошо. Ведь на фронте у меня много друзей было»

И я не ошибся! На одной из фотографий я увидел знакомое лицо девушки, на плечах у неё майорские погоны. Прочитал под фотографией подпись. Фамилия тоже знакомая: Довбыш Мария. Я был поражён страшно! Я подвёл нашего экскурсовода к фотографии, показал на неё и спрашиваю: «Как попала сюда эта девушка и где она сейчас?». Экскурсовод заулыбался и отвечает: «Так это же наш врач – Мария Андреевна Яцкевич. А девичья фамилия Довбыш. Она с нами здесь».

Я несмело подошел к Марии Андреевне и стал её расспрашивать, где она воевала и не приходилось ли ей быть в 1943 года под Старой Руссой. Она ответила утвердительно. Да, их 397-я стрелковая дивизия защищала Демянский плацдарм. Я тогда добавил к её словам: «А мы вам помогали танками». Завязался разговор, я признался ей, что помню её: «8 марта вы вместе с другой девушкой вынесли меня с поля боя, а потом лечили в лесной палатке 6 дней. Я узнал вас на фотографии. Только тогда вы были капитаном, а на фотографии уже майор. А вы меня помните?»

Вопрос был, конечно, наивным. «Как я могла запомнить всех, кого перевязывала. Ведь во время боёв сутками не отдыхали, не спали», – с доброй улыбкой сказала она.

Кто прошёл эту страшную войну от начала до конца, тот знает, что значит встретить на склоне дней своего фронтового товарища и спасителя.

Послесловие

Григорий Кононович Лаврега так и остался для меня человеком таинственным и до конца не понятным, с невероятной роковой судьбой.

Последние десять лет своей жизни он регулярно писал нам длинные подробные письма, просто-душно видя в нас внимательных слушателей и читателей. Он никогда не говорил о своих воинских наградах, и лишь после его смерти я нашла на сайте «Память народа» документы о награждении танкиста, лейтенанта Лавреги Григория Кононовича орденом Красной звезды и орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

На основе писем Григория Кононовича и была подготовлена эта повесть. Удивительно, что он сохранил до самой смерти на редкость хорошую память. В его письмах везде приводятся подлинные имена и фамилии его родственников, знакомых и сослуживцев, указаны точные даты событий и названия городов и сёл, где ему приходилось жить или воевать.

Умер он спокойно, собирая малину в лесочке неподалёку от своего дома. Там его и нашли, сидящего, прислонившись к берёзе, возле корзины с ягодами.

Это произошло через год после смерти его последней жены Марии Андреевны Яцкевич в 2000 году. Четыре года её тяжелой болезни он мужественно и с любовью ухаживал за ней. И боялся он только одного – чтобы их не разлучили.

Теперь они навечно упокоились рядом на кладбище в небольшом белорусском поселке Ореховске под Оршей, куда они переехали в 1996 году, соединив свои угасающие жизни, в поисках покоя и независимости от эгоизма родных и чужих людей.

Пусть его сиротливая тень коснётся вашей души, читатель, и немного согреется от вашей доброты и сочувствия.